

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

Ю.В. Шичанина

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12728

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ КАК ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ: ПЕТР ДЕМЬЯНОВИЧ УСПЕНСКИЙ. ПОИСКИ ИНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ И ТАЙНОГО ЗНАНИЯ. Очерк первый

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

Аннотация. *Философские воззрения одного из самых загадочных и неоднозначных духовно-нравственных искателей XX в., Петра Демьяновича Успенского, представлены как жизненный путь мыслителя, который в отличие от хроники жизненных фактов насыщен философской рефлексией, обладает внутренней психологической правдой, отражает событийность идей изнутри личной биографии человека-философа. Духовно-нравственные искания с философской точки зрения предполагают прежде всего некий поиск, процесс, живую стихию, в отличие от классических философских систем и квалификационных научных работ, которые по структуре и содержанию являются прежде всего изложением результатов завершеного исследования. Философия Петра Демьяновича Успенского рассмотрена не как система категорий, а как духовно-нравственные искания человека-философа. В этом смысле она обладает актуальным потенциалом творческого соучастия, переосмысления в актуальном запросе современности универсальных философских идей и вечных ценностей. Анализ и изложение сконцентрированы вокруг нескольких наиболее фундаментальных для его творчества идей: тайного знания, эзотерического христианства, экспериментальной мистики, четвертого измерения, многомерной вселенной, сверхчеловека, вечного возвращения и «психологической» эволюции человечества. Все они тесно взаимосвязаны и многогранно раскрываются во взаимном круговращении, иллюстрируют и дополняют друг друга. В очерке первом исследовательский интерес сосредоточен на так называемом «теософском» периоде (1907-1915) творчества П.Д. Успенского, его путешествиях на Восток (Индия, Бирма, Египет и т.д.) проблеме поиска пути, эзотерической школы, метода постижения и открытия иных измерений реальности.*

Ключевые слова: *П.Д. Успенский, тайное знание, эзотерическое христианство, экспериментальная мистика, четвертое измерение, многомерная вселенная, сверхчеловек, вечное возвращение, «психологическая» эволюция, теософия.*

Духовно-нравственные искания с философской точки зрения предполагают прежде всего некий поиск, процесс, живую стихию, в отличие от классических философских систем и квалификационных научных работ, которые по структуре и содержанию являются прежде всего изложением результатов завершеного исследования. В этом смысле духовно-нравственные искания это всегда промежуточные результаты напряженного духовного делания, открытые выводы, которые существуют всегда в контексте личной судьбы и биографии искателя и даже после его смерти остаются открытым полем для диа-

лога с потомками и «идущими по следу». Можно сказать, что духовно-нравственные искания и есть жизненный путь мыслителя, который в отличие от хроники жизненных фактов насыщен философской рефлексией, обладает внутренней психологической правдой, отражает событийность идей изнутри личной биографии человека-философа.

Жизненный опыт не универсален и психологически неповторим, поэтому философия, рассмотренная не как система категорий, а как духовно-нравственные искания человека-философа, обладает актуальным потенциалом творческого соучастия, переосмысления в актуальном запросе современ-

ности универсальных философских идей и вечных ценностей. В данном контексте значимым представляется обращение к философскому рассмотрению жизненного пути одного из самых загадочных и неоднозначных духовно-нравственных искателей XX в. Петра Демьяновича Успенского.

Заметим, что духовный климат России конца XIX — начала XX вв. во многом созвучен сегодняшнему «переходному» времени. Спустя столетие мы наблюдаем в российской культуре все тоже отчаянное противостояние между так называемыми «прогрессистской» и «метафизической» моделями. Воинствующий материализм и сциентизм сдает свои позиции, жажда духовного обновления, поиск новых исторических и социально-политических путей развития отливается в многообразные формы политической борьбы и «нового религиозного сознания». Как и в начале XX, в начале XXI в. отечественная философская мысль отчетливо понимает неудовлетворительность западного материализма и прагматизма, и вместе с тем, обращение к вечным духовно-нравственным ориентирам — истине, добру и красоте — нередко окрашено в утопические, метаисторические тона. Как и тогда, в современную эпоху наблюдается живой интерес к философско-психологической проблематике, а христианское возрождение идет рука об руку с триумфальным шествием мистики и оккультизма. Мы уже знаем, чем закончились эти процессы тогда, но не хотим их бесцельного повторения. В свою историческую эпоху П.Д. Успенский писал, что поворот от временного к вечному происходит в России с большой болью. Оставив временное, люди долго не могут найти вечного. Это «висение в воздухе между временным и вечным» и есть пребывание «у последней черты». Очевидно, что его слова актуальны и поныне.

Сегодня, переосмысливая и пересматривая, перечитывая литературное и философское наследие прошлого многое открывается заново, возвращаются имена, идеи и книги, пробуждается новое понимание. И на этом пути не обойтись без обращения к судьбе и творчеству таких «духовных поводырей» как Петр Демьянович Успенский. Его противоречивый образ и идеи не укладываются в существующие стереотипы, символы взыскуют смысла, тайны «пробужденного» взывают к разгадке.

Петр Демьянович Успенский (1878-1947) — выдающийся русский мыслитель, писатель, математик, журналист, эзотерик, ученик Г. Гурджиева

и учитель «Четвертого пути»; человек строгих моральных устоев, посвятивший жизнь вопросам теории, практики, систематизации и преемственности эзотерического знания, борьбе с псевдорелигиями, псевдонауками, псевдоискусствами и суевериями современности, самозабвенно пекущийся о верховном промысле Единого, и одновременно — ленивый «ученик-иуда», не выдержавший интенсивности «работы» под руководством учителя, отрешившийся и бежавший в молчаливое безверие, разъедающее душу сомнение, разочарование и алкоголь. Этот стандартный набор профессиональных титулов, великоречавых и уничижительных определений не является исчерпывающим, а главное, за всеми ними надежно скрывается одна из грандиозных фигур рубежа XIX-XX вв. — фигура подлинного искателя истины.

Если попытаться представить философские взгляды П.Д. Успенского и содержание его работ, то, так или иначе, анализ и изложение окажутся сконцентрированными вокруг нескольких наиболее фундаментальных для его творчества идей: тайного знания, эзотерического христианства, экспериментальной мистики, четвертого измерения, многомерной вселенной, сверхчеловека, вечного возвращения и «психологической» эволюции человечества.

Заметим, что все они тесно взаимосвязаны и многогранно раскрываются во взаимном круговращении, иллюстрируют и дополняют друг друга. Так, идею тайного (эзотерического, мистического) знания в интерпретации Успенского невозможно адекватно понять без идеи эволюции, а эволюцию — без представления о четвертом измерении, сверхчеловеке и эзотерическом христианстве. Идею сверхчеловека сложно воспроизвести, не принимая во внимание идею вечного возвращения сознания к эзотерическому истоку, психологической эволюции индивида на пути освоения четвертого измерения, и в конечном итоге — без понимания новой модели многомерной Вселенной. В свою очередь новая модель Вселенной оказывается действительно таковой только при условии адекватного прочтения и включения в нее всех остальных идей: генезиса человека, культуры, социума, форм и средств познания действительности. При этом путеводителем по разным работам оказываются некоторые «авторские интуиции» Успенского, которые можно интерпретировать как своеобразные цели и ориентации его исследований, их гуманистический пафос и постоянный контекст.

Основной такой задачей, выступает задача создания нового синтетического видения человека и человечества с точки зрения его возможных эволюционных перспектив, создание новой модели Вселенной. Задача эта выступает не только амбициозной, грандиозной по масштабу и замыслу, но и парадоксальной. Потому что самоотверженный поиск ключа к загадкам мира является со всей очевидностью для Успенского поиском уже давно известного и найденного, загадкой давно разгаданной, пути давно пройденного мыслителями разных направлений и эпох. Однако, по мнению Успенского, в современном мире она как никогда трудна и актуальна. Ведь в современную эпоху «позитивная» наука, философия, искусство и религия перестали быть символом прогресса и превратились в реакционный порядок, и все, что выходит за границы наличного состояния и опыта маркируется здесь как вредное суеверие, человечество не видит дальше собственного носа и неспособно отвечать на фундаментальные вопросы бытия. Отсюда социальная смута и апатия, жизнь ради жизни, нежелание задаваться неразрешимыми в господствующих представлениях вопросами о перспективах.

Различные сферы знания (наука, философия, религия и искусство) так основательно специализированы, что стали совершенно непроницаемы. Более того, они постоянно противоречат себе и опровергают друг друга. Их литература изобилует специальными понятиями и корпоративными предрассудками — оказывается литературой непроходимых границ. В самом факте их расхождения Успенский видит отпадение человеческого знания от первоначального эзотерического источника, истины, постигаемой в центре синкретического единства всех четырех путей. Такие книги невозможно содержательно расположить на одной полке, в то время как именно синтез, реализованная возможность синтетического видения способна конструктивно разрешить насущные проблемы человечества. Поэтому так очевидно и невероятно, что всё новое, что собирается Успенский поведать миру, для него изначально абсолютно не ново. Люди приходили к этому, приходят сейчас и когда-нибудь, надеется Успенский, придут окончательно. Однако для этого, им придется преодолеть свои ложные представления о человеке как о готовом и совершенном существе, простится с желанием получать все ответы в привычной для них форме. Для того чтобы воспринять и принять как руководство к действию новое древнее знание, им потребуются

открыть это новое в себе, стать новыми людьми, сделать шаг к невозможному, совершить прыжок в неведомое. В такой постановке обозначенная задача оказывается задачей фантастической сложности, но именно она становится делом всей жизни Успенского-философа, мистика, психолога, и литератора.

Следует также отметить, что в своих работах Успенский не просто собирает по крупницам образцы синтетической междисциплинарной литературы, цитирует работы Хинтона, Джемса, Бекка и др., но и ставит задачу теоретически обосновать, удовлетворительно ответить на «неразрешимые вопросы». Для этого он облекает собственный мистический опыт и теоретические воззрения в наукообразные формы, широко привлекая «математику бесконечного» и «психологию сверхличного». Создается впечатление, что теоретическая правильность предлагаемых выводов имеет для Успенского не менее важное значение, чем реальность ощущений и фактов мистического опыта. Возможность научного обоснования собственных выводов позволяет Успенскому называть современное ему знание псевдонаукой, критиковать характерные установки псевдорелигии, псевдоискусства и псевдофилософии. А невозможность адекватного прочтения древнего знания в устоявшихся понятиях делает его столь непримиримым по отношению к последним. И именно осознанная в качестве реальной альтернативы кровавых революций практическая применимость к социальным процессам синтетического видения, делает его идею столь злободневной, а надежду на претворение теории в жизнь — столь отчаянной и острой.

Очевидно, что не принимая данные соображения в расчет, невозможно оценить трагичность и самоотверженность мыслителя, который на рубеже веков пытается не только обосновать для избранных философский принцип «Всё во Всём», но развернуть масштабный проект по переоценке ценностей, изобличения ошибочности «внешних» путей социальных преобразований. В данном контексте становится понятным и постоянная неудовлетворенность мыслителя достигнутым, сомнения и колебания человека, который всегда настаивал на ложности всего, что останавливает поиск и консервирует движение мысли в законченных формах, неадекватности какого-либо одного учения и метода, признания чего-либо решенным или невозможным. Не удивительно, что уже в одной из ранних работ «Tertium Organum: Ключ к загадкам

мира. Введение в изучение теософии, мистики и оккультизма» Успенский утверждает смысл жизни в вечном искании, в котором только и можно найти нечто действительно новое.

Если теперь обратиться непосредственно к биографии, то она начинается 19 марта 1878 г. в Москве, в доме на Пименовской улице, который, принадлежал бабушке со стороны матери и, по словам самого Успенского, имел много необычных черт. В этом отчасти старомодном, отчасти опережаем свое время доме, царила насыщенная интеллектуальная обстановка.

Отец, Демьян Петрович Успенский, служил чиновником-землемером, при этом очень любил музыку, живопись и математику. Его особенно интересовала проблема «четвертого измерения», однако он умер, когда Петр был совсем маленьким и не оставил после себя записей. Мама, была, как и ее отец, художницей и обладала тонким литературным вкусом. Бабушка запомнилась мальчику женщиной умной, умеющей и любящей рассказывать внукам прекрасные истории о старой московской жизни. Несмотря на то, что дедушка Петра Успенского был церковным художником, и это ремесло выделяло его в своеобразную касту, в автобиографических фрагментах автор описывает свою семью как не принадлежащую ни к одному классу и вместе с тем, поддерживающую со всеми многостороннюю связь.

Заметим, что автобиография Успенского не носит систематический характер. При видимой логике, выдержанной хронологии и внимании к деталям, она скорее предстает как автобиография внутреннего мира, творческая эволюция сознания автора, нежели отражение внешних жизненных коллизий и обстоятельств. Временами являет нам эмоциональную сдержанность и наукообразность, временами, принимает почти исповедальный характер. Так, мы узнаем, что еще до двух лет отроду Петр имел живые и яркие самовоспоминания об отдельных событиях, а с трех — помнил себя вполне отчетливо. Примерно с этого же возраста он начал читать.

Небезынтересно, что книги станут для него одновременно духовным подспорьем и олицетворением недостаточности трехмерного мышления современников, навигатором в идейном океане эпох и орудием повсеместного интеллектуального отупения. Здесь же в книгах Успенский нашел своих первых кумиров и героев. В шесть лет он прочел «Героя нашего времени» Лермонтова и «Записки

охотника» Тургенева. Это были созвучные его душе романтики, вечные странники, противящиеся социальной нивелировке и одиноко вззирающие на погрязающий в материалистическом абсурде мир.

В это время маленький Успенский еще открыт миру. Его поражает богатый мир искусства (поэзии и живописи), бесконечное разнообразие растительной и животной жизни. Он увлеченно рассматривает имеющиеся в доме картины и гравюры, немного рисует сам. Однако очень скоро идиллическая обстановку родительского дома сменит казенный интерьер Второй Московской гимназии и на смену романтическому очарованию придет апатия, лень и скука.

Можно предположить, что именно в гимназии Успенский со всей отчетливостью осознал трагическое противостояние идеальных устремлений и жизненных реалий, расхождение между декларируемыми ценностями и методами их претворения в жизнь. Учреждение, призванное способствовать всестороннему развитию личности гимназистов на поверку обернулось академической тюрьмой. Школьный распорядок, нарочитая строгость и неинтересная образовательная программа — составляли ту самую реальность, из которой юному Успенскому непреодолимо хотелось бежать. Бежать в мир собственных фантазий и грез, книги, параллельные миры сна и воображения. Возможно именно духовная атмосфера Второй московской гимназии нашла отражение в написанной много позже (в 27 лет) «Странной жизни Ивана Осокина». Главный герой нуждается в другом мире и непреодолимо встает вопрос, какую цену он готов за него заплатить.

Тем не менее, в гимназии Успенский много читает. Особенно заманчивыми кажется ему физика, поражает воображение идея «рычага». Позднее эта идея станет в одной из основных работ — “*Tertium Organum*” — удачной иллюстрацией интеллектуального преимущества человека перед животными. Судя по эмоциональным авторским строкам о событиях того времени, идея связи всего со всем — единства, поражала ум и воображение Успенского еще в детстве. И одновременно лейтмотивом воспоминаний становится мысль о не подлинности и бесполезности гимназического знания, почти преднамеренном обмане со стороны лжеучителей, которые максимально удаляют истину из поля зрения и забивают головы учеников псевдонауками. Очевидно также, что долгое время бремя этого откровения юному Успенскому не с кем было разделить.

«Я — школьник второго или третьего класса, — вспоминает Петр Демьянович. Но вместо латинской грамматики Зейферта, целиком состоящей из исключений, которые иногда сняты мне и поныне, вместо задачника Евтушевского с крестьянином, приехавшим в город продавать сено, и водоёмом, к которому подходят три трубы, передо мной лежит «Физика» Малинина и Буренина. Я выпросил эту книгу на время у одного из старшеклассников и теперь с жадностью читаю её, охваченный энтузиазмом и каким-то восторгом, сменяющимся ужасом, перед открывающимися мне тайнами. Стены комнаты рушатся, передо мной расстилаются необозримые горизонты неведомой красоты. Мне кажется, будто какие-то неизвестные нити, о существовании которых я и не подозревал, становятся доступными зрению, и я вижу, как они связывают предметы друг с другом. Впервые в моей жизни из хаоса вырисовываются очертания цельного мира. Всё становится связным, возникает упорядоченное и гармоничное единство. Я понимаю, я связываю воедино целую серию явлений, которые до сих пор казались разрозненными, не имеющими между собой ничего общего. ...Я читаю главу о рычагах. И сразу же множество вещей, которые казались мне независимыми и непохожими друг на друга, становятся взаимосвязанными, образуют единое целое. ...В этой идее есть что-то пугающее и вместе с тем заманчивое. Почему же я до сих пор ничего об этом не знал? Почему никто мне не рассказал? Почему меня заставляют учить тысячу бесполезных вещей, а об этом не сказали ни слова? Всё, что я открываю, так чудесно и необычно! Мой восторг растёт, и меня охватывает предчувствие новых поджидающих меня откровений; меня охватывает благоговейный ужас при мысли о единстве всего.

Я не в силах более сдерживать бурлящие во мне эмоции и пытаюсь поделиться ими со своим соседом по парте; это мой закадычный друг, и мы часто ведём с ним негромкие беседы. Шёпотом я рассказываю ему о своих открытиях. Но я чувствую, что мои слова ничего для него не значат, что я не в состоянии выразить того, что чувствую. Друг слушает меня с отсутствующим видом и, вероятно, не слышит и половины сказанного. Я вижу это и, обидевшись, хочу прервать свой рассказ; но немец за учительским столом уже заметил, что мы разговариваем, что я что-то показываю соседу под партой. Он спешит к нам, и спустя мгновение моя любимая «Физика» оказывается в его глупых и неприятных руках.

- Кто дал тебе этот учебник? Ведь ты ничего в нём не понимаешь. К тому же я уверен, что ты не приготовил уроки.

Моя «Физика» лежит на учительском столе.

Я слышу вокруг иронический шёпот и насмешки: «Успенский читает «Физику»! Но я спокоен. Завтра моя «Физика» опять будет у меня, а долговязый немец весь состоит из больших и малых рычагов»¹.

Воспоминание еще об одной важной книге из детства очень характерно для рассуждений Успенского: «Кстати, о выражении «очевидные нелепости». Оно относится к книжке, которая была у меня в детстве. Книжка так и называлась — «Очевидные нелепости», принадлежала к ступинской «библиотеке» и состояла из таких, например, картинок, как изображения человека с домом на спине, кареты с квадратными колесами и тому подобное. В то время книжка произвела на меня очень сильное впечатление — в ней оказалось много картинок, о которых я так и не мог понять, что в них нелепого. Они выглядели в точности так, как и обычные вещи. И позднее я стал думать, что книга на самом деле давала картинки из подлинной жизни, потому что по мере взросления я все больше убеждался, что вся жизнь стоит из «очевидных нелепостей», а последующие мои переживания только укрепили это убеждение².

Несмотря на некоторые отдушины школьного обучения, цена вопроса обретения подлинной реальности для жизни и творчества слишком высока. Юный Петр оставляет гимназию и создается впечатление, что уже тогда принимает решение не участвовать в борьбе за обретение академических титулов и званий, не получать дипломов. Едва ли последствия такого решения и его субъективную значимость можно переоценить. С этого момента будущий учитель «Четвертого пути» определился с курсом — прочь от ординарной, фальшивой действительности и паутины социальных иерархий, вперед к идеальным сокровищницам знания, за существующий горизонт. В это же время у юноши проявляется живой интерес к миру сновидений, и как следствие, к человеческой психологии.

В 1894 г. Петр Успенский оставляет гимназию и в этом же году он «встречает» своего ново-

¹ Успенский П.Д. Новая модель вселенной. СПб., 1993. С. 12–13.

² Успенский П.Д. В поисках чудесного. Фрагменты неизвестного учения. СПб., 1992. Глава 1. (<http://www.ezoterik.info/4thway/library/poiski.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).

го учителя и родственную душу — открывает для себя Ф. Ницше. Ницше станет для Успенского не просто источником ценных основополагающих для его собственного творчества идей, он предстанет преднамеренно непонятым современной академической наукой пророком, метафизиком, эзотериком и опальным гением. Особенно ценной и близкой покажется Успенскому идея Сверхчеловека, человека «новой расы», представителя своеобразной элитарной породы, которая только и может реально изменить несовершенный мир. И, как мы в дальнейшем убедимся, обретенная Успенским в 16 лет линия Ницше навсегда останется в его творчестве.

В 18 лет Успенский начинает свои первые независимые путешествия. Он бывал в отдаленных уголках России и за границей, встречался с «аборигенами» русского Севера и Кавказа и посещал лекции в Сорбонне. По его собственным признаниям он был настроен очень анархистски, и настроение это распространялось не только на общепринятый академический порядок выдвижения новых теорий и идей, но и на современную ему социальную действительность. И в научных парадигмах, и в социально политической борьбе того времени, угадывалось какое-то бессилие, недостаточность и кровавый исход. Вместе с тем, Успенский интенсивно изучает биологию, психологию и математику. Живой интерес вызывают идея «четвертого измерения» и адекватная по силе и глубине неудовлетворенность ее «обычным» научным толкованием. Примечательно, что, отказавшись от получения званий и дипломов, Успенский стал не просто дерзким и талантливым дилетантом, но и профессиональным искателем истины. Поиски эти оказались полны титанических усилий и мучительных сомнений. А их результаты попеременно казались, то случайным эффектом и миражом голодной души, то восхождением на принципиально новый уровень бытия. Но внутренняя правда, глубокое внутреннее ощущение правильности избранного пути, в конечном итоге всегда торжествовали в его жизни над скукой, усталостью и апатией.

В 1900 г. молодой анархист проводит серию экспериментов со снами. Наблюдения подтверждают догадку об отсутствии непроходимой границы между различными состояниями и уровнями реальности, дают некоторый практический материал для дальнейших экспериментов.

В 1905-м пишет первый вариант «Кинемодрамы» («Странной жизни Ивана Осокина»). Рево-

люция 1905 г. фактически отобрала у Успенского младшую сестру. Арестованная за связь с революционной организацией, она умерла в заключении. Однако ее арест и смерть не поколебали уверенности старшего брата в необходимости поиска альтернативного политической смуте пути — пути духовно-нравственной трансформации сознания.

В это время, в Москве, он уже трудится на профессиональном журналистском поприще, лавируя между «левыми» и «правыми» политическими настроениями, не разделяя целей этой трагической борьбы. Поражает трезвость и нравственная зрелость, уже присущая журналисту Успенскому. Так, собираясь написать статью о предстоящей конференции в Гааге, он не только со скукой и болью обращает внимание на шаблонность и лживость поднятой вокруг нее газетной шумихи, но и осознает бесполезность своего журналистского слова. «1906-й или 1907-й. Редакция московской ежедневной газеты «Утро». Я только что получил иностранные газеты, мне нужно написать статью о предстоящей конференции в Гааге. Передо мной кипа французских, немецких, английских и итальянских газет. Фразы, фразы — полные симпатии, критические, иронические и крикливые, торжественные и лживые — и, кроме того, совершенно шаблонные, те же, что употреблялись тысячи раз и будут употребляться снова, быть может, в диаметрально противоположных случаях. Мне необходимо составить обзор всех этих слов и мнений, претендующих на серьезное к ним отношение; а затем столь же серьезно изложить своё мнение на этот счёт. Но что я могу сказать? Какая скучища! Дипломаты и политики всех стран соберутся и будут о чём-то толковать, газеты выразят своё одобрение или неодобрение, симпатию или враждебность. И всё останется таким же, как и раньше, или даже станет хуже. ...Все эти разговоры о всеобщем мире — беспощадные мечты Манилова о том, как бы построить мост через пруд. Ничего никогда из этого не выйдет. Во-первых, потому, что люди, устраивающие конференции и собирающиеся для разговоров о мире, рано или поздно начнут войну. Войны не начинаются сами по себе; не начинают их и народы, как бы их в этом ни обвиняли. Именно все эти умные люди с их благими намерениями и оказываются препятствием к миру. Но можно ли надеяться на то, что когда-нибудь они это поймут? И разве кто-нибудь когда-нибудь мог понять свою собственную ничтожность? Мне приходит на ум множество едких мыслей о Гаагской конференции,

однако я понимаю, что для печати ни одна из них не годится. Идея Гаагской конференции исходит из очень высоких источников; если уж писать о ней, то в самом сочувственном тоне. Даже у тех из наших газет, которые обычно критически и недоверчиво относятся ко всему, что исходит от правительства, только позиция Германии на конференции вызвала неодобрение. Поэтому редактор никогда не пропустит то, что я мог бы написать, выражая свои подлинные мысли. Но если бы каким-то чудом он и пропустил мою статью, её никто не смог бы прочесть, так как газета была бы арестована полицией прямо на улицах, а нам с редактором пришлось бы совершить неблизкое путешествие. Такая перспектива ни в коем случае меня не привлекает. Какой смысл разоблачать ложь, если люди любят её и живут ею? Это, конечно, их дело; но я устал от лжи, да её и без меня достаточно»³.

Но этот «толи 1906, толи 1907 год» становится для Успенского поистине судьбоносным. 1907 г. — год, когда он открыл для себя теософскую литературу. Это стало началом нового периода в жизни журналиста и писателя, временем обретения некоторых ответов и постановки новых фундаментальных вопросов. Чувство бесполезности журнальной работы, бессмысленный поток теорий, идей и названий прочитанных книг, вдруг прерывается знакомством с запрещенными тогда в России книгами с необычными заглавиями: «Оккультный мир», «Жизнь после смерти», «Атлантида и Лемурия», «Догмы и ритуал высшей магии», «Храм Сатаны», «Откровенные рассказы странника» и тому подобное. Оживают детские впечатления от встречи с Е.П. Блаватской, наполняется «живой кровью» эзотерические устремления. В древнем, но так основательно забытом, что оно кажется почти новым, знании, Успенского манит откровение, не вмещающееся в привычные материалистические границы. Наивная народная фантазия, юношеские грезы, жажда новых странствий и путешествий в поисках неведомого становятся более реальными, чем суета вокруг гаагской конференции, а обыденная, основанная на научном восприятии мира жизнь, не более чем тень и силуэтом какой-то другой подлинной действительности.

Увлеченно читая Блаватскую, Олькотта, Синнетта, Анни Безант, Рудольфа Штейнера, Элифаса Леви, Станислава де Гуайта и др., Успенский обре-

тает ощущение собственного пути и «четвертое измерение» своих духовных поисков. «Четвертое измерение! Вот реальность, которую я смутно чувствовал уже давно, но которая все время ускользала от меня. Теперь я вижу свой путь; вижу, куда он может вести»⁴.

И Успенский воодушевленно принимается за написание «Четвертого измерения». Однако когда работа над книгой была почти закончена, его в очередной раз посещают сомнения. За годы изучения теософской литературы Петр Демьянович сумел разглядеть не только ее истинность, но и ее недостаточность. Представлялось, что в том виде, в котором она существовала, она не могла иметь продолжения. Сама теософская идея эзотеризма, ставшая для него фундаментом изучения высших измерений, одновременно оказалась только прологом к новым поискам. Поискам древнего знания, которое бы не замыкалась на самом себе, и не вырождалось бы в лишнюю творческого импульса мировоззренческую догму. Уже в этот период отчетливо просматривается лейтмотив философского поиска новоявленного эзотерика — практическая духовная работа, ведущая к реальной трансформации слишком человеческого в сверхчеловеческое, непрерывное «умное делание», позволяющее не механически, а сознательно участвовать человеку в эволюционном процессе вселенной. Не следует так же забывать устойчивый интерес Успенского к психологии, поэтому его поиск должен был быть, прежде всего, открытием новых измерений субъективности и ее эзотерической метаморфозы.

И снова годы странствий и поисков, обретение ответов и разъедающее душу осознание их недостаточности — новая философская экспедиция к духовному истоку. Успенскому не хватало учителя, школы и метода. Добытые в самостоятельных психологических экспериментах откровения оказались непереводаемыми на язык рациональной философии. Результаты приходили внезапно и исчезали, как исчезают сны, фактически не оставляя в памяти следа. Захватывающее и ужасающее чувство от встречи со светом, перемежающееся переживание блаженства и ужаса, отсутствие возможности что-либо контролировать и кратковременность мистического опыта не давали искателю надежной опоры.

Ощущение бесконечности познания уравновешивалось предчувствием невозможности

³ Успенский П.Д. Новая модель вселенной. СПб., 1993. С. 13–14.

⁴ Там же. С. 15.

осуществлять его в одиночку, наугад и старыми описанными методами. За пределами известного и воспринимаемого должны были лежать духовные сокровища, тщательно охраняемые от непосвященных адептами духа. Именно от них Успенский надеялся получить некоторое предварительное представление о том, что в конечном итоге должен был открыть, а не идти вслепую и наугад, плутая по лабиринтам идей и, попадая в предусмотрительно расставленные знающими оккультные ловушки. Следует отдать должное здравомыслию и уважению, с которыми искатель четвертого пути относился к эзотерической теории и практике. Во всех своих произведениях он подчеркивал не только их величие, притягательность, могущество, но и опасность, постоянно подстерегающую неподготовленное сознание, неспособное выдержать сокрушающую обыденные представления мощь.

Существует обоснованное мнение, что так называемый «теософский» период (1907-1915) в жизни Успенского был одним из наиболее плодотворных и насыщенных. Именно тогда он осуществил серию путешествий в «поисках чудесного», в которых соприкоснулся с живой эзотерической традицией йогингов и суфиев, с новой силой почувствовал вечность. В поисках школы он предпринял в 1908 г. экспедицию по среднему Востоку, был в Константинополе, Бирме и Египте.

Возвращение на родину отмечено в его биографии окончательным переездом из Москвы в Петербург (в начале 1909 г.). В автобиографическом фрагменте Успенский скромно напишет об этом: «Я изучал оккультную литературу; ставил все виды психологических экспериментов, опубликовал несколько книг, среди них “Tertium Organum”, и давал публичные лекции по Таро, о Сверхчеловеке, о Йоге, и т.д.»⁵.

Вместе с тем известно, что, реализуя свой давний интерес к проблеме четвертого измерения, и под влиянием работ английского спиритуалиста С.Х. Хинтона (автора книг «Четвертое измерение» и «Новая эра мысли») Успенский написал и опубликовал свое первое произведение — «Четвертое измерение». Книга отличалась рядом свежих оригинальных идей и получила широкий резонанс

в интеллектуальных и художественных кругах, где он даже получил шуточное прозвище «Успенский — четвертое измерение». Будучи членом петербургского теософского общества, «Успенский — четвертое измерение» несколько сблизился с Л. Волынским, М. Метерлинком, М. Лодыжинским и др. выдающимися фигурами своего времени. Интеллектуальные поиски привели его к изучению работ французских мистиков XIX в. (Элифаса Леви, Папюса), английских спиритуалистов (Е.А. Аббота), американских трансценденталистов (Р.В. Эмерсона, Торо, Р.М. Бёкка), а также творчества ученика Рамакришны Вивекананды, психолога и философа У. Джеймса.

Поскольку основной интерес Успенского по-прежнему был сосредоточен на психологии измененных состояний сознания, он увлеченно читает мистиков Средневековья и Возрождения (Я. Бёме, М. Экхарта, Д. Таулера, Гитхеля и др.) при этом не обходит вниманием и неоплатонические мистерии, мистическую традицию русского православия. В литературе, посвященной философии четвертого пути и ее основателям, отмечается, что П. Успенский был чрезвычайно восприимчив к идеям В. Соловьева (особенно Соловьева), Д. Мережковского, В. Розанова, П. Флоренского, русской религиозно-мистической философии конца XIX — начала XX века в целом, приверженность которой сохранил и в более поздние периоды.

Не удивительно, что книга с несколько амбициозным названием «Третий канон мысли» (“Tertium Organum”), опубликованная в 1911 г., не просто выносила суровый приговор первому и второму «органонам» Аристотеля и Ф. Бэкона с их ориентацией на материалистическое истолкование вселенной, но и концентрировала внимание читателя на проблеме возможности и необходимости существования высших измерений реальности, вопросах и методах расширения сознания и теоретической уязвимости философии позитивизма. Она была не только обнародованием результатов, но и подтверждением необходимости дальнейшей работы в данном направлении, продолжения метафизических поисков.

Опираясь на финансовую поддержку газет, (в которых Успенский работал внештатным корреспондентом), в 1913 г. автор «Третьего Органона» предпринимает очередную экспедицию на Восток в Индию. Все еще мучимый вопросами существования «новой породы людей» и эзотерической школы, с которыми тесно связана идея метода и

⁵ Успенский П.Д. Автобиографический фрагмент // Успенский П.Д. Дальнейшие записи. Выдержки из бесед 1928–1945. (<http://www.sufism.ru/4thway/books/further17.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).

эзотерической преемственности тайного знания, Успенский надеется найти на Востоке живых ее представителей. Существует ли такая школа на материальном, физическом плане или она сохраняет только мистическую преемственность? Открывается ли сокровищница истинной философии и религии ищущему или нужно смиренно ждать, пока высшая раса сама обратит внимание на страждущую душу? Эти и другие вопросы останутся актуальными задачами и для всей последующей жизни мыслителя.

Петербург — Лондон — Париж — Генуя — Каир — Коломбо — Галле — Мадрас — Бенарес — Калькутта были отмечены встречами с представителем традиционных эзотерических школ и всевозможными гуру. Казалось, невидимые нити протягиваются между эзотериками разных частей света, и сам Успенский непосредственно причастен к процессу восстановления эзотерической преемственности. Однако воодушевление, испытанное от соприкосновения с непостижимым и чудесным, очень скоро сменилось горьким ощущением безвозвратно упущенного момента, «все карты оказались смешанными, все нити — порванными», началась война. Очевидно, что война застала Успенского на Цейлоне врасплох. Планы посетить Бирму, Таиланд, Японию и Америку внезапно рухнули. Вместе с тем, уже тогда искателю четвертого измерения было ясно, что ему придется идти своим путем. Найденные им в разных уголках планеты школы и учителя либо сами были далеки от подлинного источника знания, либо обещали истину взамен на полную принадлежность «соискателя» школе. Однако целиком растворится в школьной работе, превратиться в послушника и «невозвращенца» Успенский не хотел и не мог. Образ интеллектуала-отщепенца и вольного духовного искателя был несовместим с условиями приобщения к «эзотерическому источку». К тому же рациональное начало требовало рационального объяснения: Успенский хотел понять прежде, чем принять. Но именно этой возможности ему тогда так и не представилось.

«К моменту отъезда, — напишет он «В поисках чудесного», — я все еще допускал по отношению к школам многие фантастические возможности. «Допускал» сказано, пожалуй, слишком сильно. Лучше сказать, что я мечтал о возможности сверхфизической связи со школами, так сказать, на «другом плане». Я не мог выразить этого ясно, но мне казалось, что даже первое соприкосновение

со школой могло бы иметь чудесную природу. Например, я воображал, что можно установить контакт со школами далекого прошлого, со школами Пифагора, Египта, строителей Нотр-Дама и так далее. Мне казалось, что при таком соприкосновении преграды времени и пространства должны исчезнуть. Сама по себе идея школ была фантастической, и ничто, относящееся к ней, не представлялось мне чересчур фантастичным. Я не видел противоречия между этими идеями и моими попытками найти школы в Индии. Мне казалось, что как раз в Индии можно установить некий контакт, который впоследствии сделается постоянным и независимым от внешних препятствий. Во время обратного путешествия, после целой серии встреч и впечатлений, идея школы стала для меня более ощутимой и реальной, утратив свой фантастический характер. Вероятно, это произошло потому, что, как я понял, «школа» требует не только поиска, но и «отбора» или выбора — я имею в виду выбор с нашей стороны. Я не сомневался в том, что школы существуют, но в то же время пришел к убеждению, что школы, о которых я слышал и с которыми сумел войти в соприкосновение, были не для меня. Эти школы откровенно религиозного или полурелигиозного характера являлись определенно конфессиональными по своему тону. Меня эти школы не привлекали главным образом из-за того, что если бы я искал религиозный путь, я мог бы найти его в России. Другие школы были слегка сентиментального морально-религиозного типа с налетом аскетизма, как, например, школы учеников или последователей Рамакришны. С этими школами были связаны прекрасные люди; но я чувствовал, что они не обладают истинным знанием. Так называемые «школы йоги» основывались на обретении состояния транса; на мой взгляд, они приближались по своей природе к «спиритизму», и я не мог им доверять: все их достижения были или самообманом, или тем, что православные мистики (я имею в виду русскую монашескую литературу) называют «прелестью» или «искушением». Существовал еще один тип школ, с которыми я не смог установить контакт, но о которых слышал. Эти школы обещали очень многое, однако и очень многого требовали. Они требовали всего сразу. Мне пришлось бы остаться в Индии и отбросить мысли о возвращении в Европу, отказаться от собственных идей и планов, идти по дороге, о которой я не мог ничего узнать заранее. Эти школы меня весьма интересовали, а

люди, которые соприкасались с ними и рассказывали мне о них, явно отличались от людей обычного типа. Но все-таки мне казалось, что должны существовать школы более рационального вида, что человек имеет право — хотя бы до определенного пункта — знать, куда он идет. Одновременно с этим я пришел к заключению, что какое бы название ни носила школа — оккультная, эзотерическая или школа йоги, — она должна находиться на обычном физическом плане, как и всякая иная школа, будь то школа живописи, танцев или медицины. Я понял, что мысль о школах на “ином плане” есть просто признак слабости, свидетельство того, что место подлинных исканий заняли мечты. И я понял тогда, что такие мечты — одно из главных препятствий на нашем пути к чудесному»⁶.

Вот еще один автобиографический фрагмент этого периода «Я возвратился в Россию после довольно длительного путешествия по Египту, Цейлону и Индии. Это произошло в ноябре 1914 г., т.е. в начале первой мировой войны, которая застала меня в Коломбо. Я вернулся оттуда через Англию. Покидая Петербург в начале путешествия, я сказал, что отправляюсь «искать чудесное». Очень трудно установить, что такое «чудесное», но для меня это слово имело вполне определенный смысл. Уже давно я пришел к заключению, что из того лабиринта противоречий, в котором мы живем, нет иного выхода, кроме совершенно нового пути, не похожего ни на один из тех, которые были нам известны и которыми мы пользовались. Но где начинался этот новый или забытый путь — этого я не мог сказать. Тогда мне уже был известен тот несомненный факт, что за тонкой оболочкой ложной реальности существует иная реальность, от которой в силу каких-то причин нас нечто отделяет.

«Чудесное» и есть проникновение в эту неведомую реальность. Мне казалось, что путь к неизведанному можно найти на Востоке. Почему именно на Востоке? На это трудно ответить. Пожалуй, в этой идее было что-то от романтики; а возможно, тут имело место убеждение, что в Европе, во всяком случае, найти что-либо невозможно.

На обратном пути, в течение тех нескольких недель, что я провел в Лондоне, все мои мысли о результатах исканий пришли в полный беспорядок

под воздействием безумной нелепости войны и связанных с ней эмоций, которые наполняли атмосферу, разговоры и газеты и, против моей воли, часто захватывали и меня. Но когда я вернулся в Россию и вновь пережил те мысли, с которыми ее покидал, я почувствовал, что мои искания и все, что с ними связано, более важны, чем любые вещи, которые происходят и могут произойти в мире «очевидных нелепостей»⁷.

Возвращение на родину было возвращением к писательской и лекторской деятельности. Образ чудака и странника противоречиво сочетался с образом успешного журналиста и публичного деятеля. В Петербурге и Москве Успенский собирал в те годы большие аудитории, перед которыми делился своими наблюдениями и впечатлениями от путешествий. Около тысячи человек собиралось на лекции «В поисках чудесного» и «Проблема смерти», лавина писем и телефонных звонков подогревали и питали иллюзию о возможности объединить усилия ищущего человечества. Это было весной 1915 г., когда Петру Демьяновичу Успенскому была уготована очередная судьбоносная встреча. Начинался совершенно новый период его жизни (1915-1924) — «гурджиевский».

Вопрос о влиянии Г. Гурджиева на биографию и творчество П. Успенского очень непросто. Существует даже мнение, что встреча с Гурджиевым была для Успенского единственным «водоразделом» его жизни: есть Успенский «до» и «после», и третьего не дано. Альтернативное мнение сводится к тому, что отношения двух ярких личностей эпохи были вполне комплементарными. На определенном этапе их задачи и интересы совпали, но потом каждый снова пошел своим собственным путем. Так или иначе, это были напряженные и полные трагических противоречий отношения учителя с учеником, «системы» Гурджиева с оригинальными идеями Успенского. Это были годы совместной плодотворной работы, и одновременно годы мытарств, душевного разлада и переоценки ценностей.

(Продолжение в «Духовно-нравственные искания как жизненный путь: Петр Демьянович Успенский. Многомерная вселенная и «система» Г. Гурджиева. Очерк второй»).

⁶ Успенский П.Д. В поисках чудесного. Фрагменты неизвестного учения. СПб., 1992. Глава 1. (<http://www.ezoterik.info/4thway/library/poiski.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).

⁷ Там же.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Интеллектуальная отвага // Философия и культура. 2013. № 10. С. 1479-1486. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.10.9423).
2. Ровнер А. Гурджиев и Успенский. (<http://fourthway.narod.ru/lib/rovner/gau7.htm> (дата обращения: 13.12.2013)).
3. Успенский П.Д. Tertium Organum: Ключ к загадкам мира. М., 2000.
4. Успенский П.Д. В поисках чудесного. Фрагменты неизвестного учения. СПб., 1992. Глава 1. (<http://www.ezoterik.info/4thway/library/poiski.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).
5. Успенский П.Д. Введение // Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека. Космология возможной эволюции человека. СПб., 1995. (<http://www.apollo.org/russian/index.html> (дата обращения: 18.12.2013)).
6. Успенский П.Д. Дальнейшие записи. Выдержки из бесед 1928-1945. (<http://www.sufism.ru/4thway/books/further17.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).
7. Успенский П.Д. Новая модель вселенной. СПб., 1993.
8. Успенский П.Д. Психология и космология возможного развития человека / Пер. с англ. Л.М. Руткевича и Д.С. Басова, 1991, Изд.: АО «Комплект». СПб., 1995.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Intellektual'naya otvaga // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 10. S. 1479-1486. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.10.9423).
2. Rovner A. Gurdzhiev i Uspenskii. (<http://fourthway.narod.ru/lib/rovner/gau7.htm> (data obrashcheniya: 13.12.2013)).
3. Uspenskii P.D. Tertium Organum: Klyuch k zagadkam mira. M., 2000.
4. Uspenskii P.D. V poiskakh chudesnogo. Fragmenty neizvestnogo ucheniya. SPb., 1992. Glava 1. (<http://www.ezoterik.info/4thway/library/poiski.htm> (data obrashcheniya: 18.12.2013)).
5. Uspenskii P.D. Vvedenie // Uspenskii P.D. Psikhologiya vozmozhnoi evolyutsii cheloveka. Kosmologiya vozmozhnoi evolyutsii cheloveka. SPb., 1995. (<http://www.apollo.org/russian/index.html> (data obrashcheniya: 18.12.2013)).
6. Uspenskii P.D. Dal'neishie zapisi. Vyderzhki iz besed 1928-1945. (<http://www.sufism.ru/4thway/books/further17.htm> (data obrashcheniya: 18.12.2013)).
7. Uspenskii P.D. Novaya model' vselennoi. SPb., 1993.
8. Uspenskii P.D. Psikhologiya i kosmologiya vozmozhnogo razvitiya cheloveka / Per. s angl. L.M. Rutkevicha i D.S. Basova, 1991, Izd: AO «Komplekt». SPb., 1995.